

РУССКАЯ КЛАССИКА В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Н.О. Булгакова¹

Томский политехнический университет

ВОСПРИЯТИЕ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ» ВО ФРАНЦИИ (1900-1970-Е гг.)

Статья посвящена изучению особенностей рецепции романа Ф.М. Достоевского «Бесы» во французской культуре в период с 1900 по 1970-е гг. В результате изучения истории обращения критиков, писателей и мыслителей Франции к этой книге были выявлены основные художественные и философские аспекты произведения, которые вызывали наиболее острый интерес французов. Автор указывает на художественные грани романа, восприятие которых представляло трудность для французских читателей, и предпринимает попытку ответить на вопрос о причинах интереса французов к определённым ценностным доминантам книги.

Ключевые слова: Достоевский, «Бесы», французский язык, рецепция, диалог культур, русская литература.

N.O. Bulgakova

Tomsk Polytechnic University

THE PERCEPTION OF DEMONS BY F.M. DOSTOEVSKY IN FRANCE (1900-1970)

The article is dedicated to the peculiarities perception study of the novel *Demons* by F.M. Dostoyevsky in the French culture from 1900 to 1970. As a result of the conducted study of French critics', writers' and thinkers' reference to this book, the main philosophical and artistic aspects of the novel that aroused keener interest among the French were revealed. The author highlights the artistic aspects of the novel that was difficult for French readers to perceive and makes an attempt to reveal the reasons for the Frenchmen's interest towards the specific axiological dominants of the book.

Key words: Dostoyevsky, 'Demons', French language, perception, dialogue of cultures, Russian Literature.

¹ Наталья Олеговна Булгакова – аспирант Отделения русского языка Школы базовой инженерной подготовки Томского политехнического университета (Томск).

Творческое наследие Ф.М. Достоевского было неоднократно переосмыслено философами, писателями и критиками Франции. Сегодня во французской филологической науке наблюдается большой интерес к изучению влияния русского романиста на становление творческого метода французских писателей М. Пруста [Haddad-Wotling, 1995; Hassine, 2000], А. Камю [Forest, 2010], Н. Саррот [Poulin, 2006], А. Мальро [Howlett, 2015] и др. В 1991 г. французское издательство «Actes Sud» запустило масштабный проект с участием А. Марковича по созданию новых переводов всех произведений Достоевского.

Эти факты указывают на неослабевающий интерес французских читателей и исследователей к произведениям Достоевского. Роман «Бесы» (1871-1872 гг.) не стал исключением. Отдельные аспекты истории восприятия этой книги во Франции освещены в работах Ж.Л. Бакеса [Bacès, 1972], А.И. Владимировой [Владимирова, 1978], А. Мессауди [Messaoudi A., 2006], Ж. Нива [Nivat, 2008], А. Маккейба [McCabe, 2013], С.Л. Фокина [Фокин, 2013] и др. Задачей настоящей статьи является последовательное осмысление этапов французской рецепции романа и введение не известных ранее фактов.

История французской рецепции романа Достоевского «Бесы» начинается при жизни романиста. Ещё до выхода первого перевода этого произведения мнение о «Бесах» высказывали С. Курьер (Céleste Courtière, 1843-неизв.), Ж. Флэри (Jean Fleury, 1816-1894), а затем Э.-М. де Вогюэ (Eugène-Melchior de Vogüé, 1848-1910). Они были убеждены, что этот роман представлял интерес исключительно как работа о русском нигилизме, лишённая художественной ценности и «населённая» странными героями [Courtière, 1875, p. 328-335; Fleury, 1881, 280; Vogüé, 1886, 263]. В целом в конце XIX в. роман «Бесы» получил достаточно холодную оценку французских критиков.

Более глубокое прочтение и более высокая оценка ждали роман «Бесы» во Франции в XX в., который был ознаменован всплеском интереса французских критиков, писателей и переводчиков к творчеству Достоевского, его «радикальной» переоценкой [Дудкин, 2013, с. 396]. Такое изменение отношения к русскому романисту объясняется, в первую очередь, доминированием в начале XX в. модернистской парадигмы, экспериментами со словом и поисками новых художественных приемов, позволяющих проникнуть в тайны иррациональной внутренней жизни человека, а также активным развитием философской прозы. К творчеству Достоевского

обращаются такие французские писатели-модернисты, как М. Пруст, А. Бретон, П. Дриё Ла Рошель, Л.Ф. Селин, А. Мальро и др. [Фокин, 2013, с. 74]. В этот период появляются новые исследования о творчестве Достоевского, в которых авторы не ограничиваются общим обзором его произведений и их однозначной оценкой, а предпринимают попытку осмыслить проблематику его романов и отдельные черты художественной манеры писателя.

Одной из первых в этом ряду стала появившаяся в 1914 г. книга эссеиста и историка искусств Э. Фора (Elie Faure, 1873-1937 гг.) «Les constructeurs; Lamarck. Michelet. Dostoievsky. Nietzsche» («Строители: Ламарк, Мишле, Достоевский, Ницше»). В разделе о Достоевском Фор представил обзор его основных романов, сопроводив их комментариями. Эту работу отличает стремление автора понять причины сложности идей писателя для французских читателей. Так, по его мнению, в момент, когда после публикации романа «Бедные люди» романист приобрёл известность, «ни сам Достоевский, ни мир ещё не созрели для его работы» [Faure, 1921, p. 112]. Фор предпринял попытку объяснить особенности философии писателя фактами его биографии и спецификой национального характера:

«Этот русский познал все пытки, лишь созерцание которых достаточно для наполнения русской души. <...> Он, как другие русские, испытывает нужду прощать, любить, страдать, чтобы другие страдали, чтобы утешить их и быть утешенным»¹ [Faure, 1921, p. 112].

Фор согласился с тезисом своих предшественников об отсутствии у Достоевского стиля во французском понимании этого слова, которое делало трудным восприятие идей писателя во Франции:

«Мы бы не смогли понять этого великого человека <...> С ним мы не можем говорить о том, что называем стилем. Он не умеет писать, он не пишет. <...> внутренняя сила всё оживляет» [Faure, 1921, p. 127].

По мнению Фора, чтобы понять произведения Достоевского, необходимо стараться постичь их внутренний смысл, а не интерпретировать форму, стремясь обнаружить в ней черты,

¹ Здесь и далее при отсутствии специальных помет перевод мой. –

характерные для европейского романа второй половины XIX в. Он указывал на невозможность определить, важна ли каждая строка в огромных романах Достоевского, имеют ли столь редко встречающиеся портреты героев значение для понимания идеи автора, или же их можно опустить [Faure, 1921, p. 127].

Фор размышлял и о сложности понимания художественной мысли Достоевского в романе «Бесы», которую объяснял, с одной стороны, загадочностью русской души и отсутствием стиля в его произведениях, с другой – противоречиями личного опыта писателя:

«Именно в “Бесах” он представляет или, скорее, оживляет собственную изменчивую, страстную жизнь, то, что он думает о Боге и мире, об обществе и народах, о революции и традиции. <...> Практически до самого конца романа мы не понимаем, что происходит, целое общество – неорганичное, задыхающееся, безграничное в своих направлениях, в своих элементах, рамках, кажется колеблющимся в случайности своей хаотичности. Мрачная книга, здесь заговоры, люди, убитые как животные, самопроизвольный героизм смешивается и часто путается с гнусным доносом...» [Faure, 1921, p. 126-127].

Одним из первых среди французов Фор совершает попытку проанализировать философские аспекты романа «Бесы». Однако эту задачу осложняет специфика идиостиля писателя, которую эссеист причислил к недостаткам художественной манеры Достоевского, затрудняющим понимание текстов. Отчасти это может быть обусловлено особенностями французского перевода романа «Бесы», выполненного В. Дерели, который, вероятнее всего, и читал Фор.

Первым французом, отметившим художественные достоинства романа «Бесы», стал писатель и критик А. Жид (André Gide, 1869-1951 гг.). Он внёс большой вклад в создание предпосылок для осмысления французскими читателями философии романиста, став «самым проникательным аналитиком творчества Достоевского» не только во Франции [Дудкин, 2013, с. 391]. Жид старался «культивировать» чувство прекрасного у соотечественников по отношению к шедеврам зарубежной литературы, переводя Шекспира, У. Блейка, Конрада, Пушкина [Фокин, 2013, с. 99]. Интерес к Достоевскому проснулся в нём в юности после прочтения книги Вогиоэ «Русский роман». С 1908 по 1922 гг. в журналах «Grande revue» и «Figaro» публиковалась серия этюдов Жиды, посвящённых творчеству русского романиста, которые в 1923 г. вышли отдельной книгой под названием «Достоевский» [Gide, 1923]. Посредством этого издания автор хотел вновь привлечь внимание французов к творчеству

писателя и подготовить к восприятию художественного своеобразия его произведений. А.И. Владимирова отмечает, что в отличие от предшественников Жид сумел оценить особый психологизм Достоевского, который был нехарактерен для произведений французских авторов [Владимирова, 1978, с. 45]. Он также указал на связь психологизма с уникальным даром Достоевского-художника, назвав его «мастером светотени», подчеркнув его умение расставлять важные акценты с помощью изменений в построении сюжета. К одним из таких приёмов, сознательно использованных романистом, Жид относил многочисленные опущения в тексте, которые до этого во Франции понимались как стилистические недостатки.

Вероятнее всего, Жид впервые прочёл роман «Бесы» в 1899 г., поскольку в шестом «Письме к Анжеле»,¹ опубликованном в журнале «Ermitage» [Gide, 1899, p. 55-66], он цитировал пассаж из этого романа о философии Кириллова. Размышляя о выделенном отрывке, писатель первым из французских отметил, что Достоевский как никто другой повлиял на развитие философии Ницше и идеи о человекобоге [McCabe, 2013, p. 80]. Жид обозначил начало нового этапа восприятия произведений Достоевского во Франции: отныне имена немецкого мыслителя и русского романиста стали неотделимы друг от друга во французской философской традиции [Bachès, 1972, p. 282]. В своём дневнике Жид отметил, что именно отзывы Воюэ о романах «Бесы» и «Братья Карамазовы» как об «апокалиптических и мрачных книгах» побудили его прочесть первое произведение [Gide, 1948, p. 832]. В 1911 г. на страницах журнала «Figaro» Жид, рассуждая о том, что Воюэ вызвал интерес французам к прочтению романов «Бедные люди», «Преступление и наказание», а также «Записок из мёртвого дома», указал, что, наконец, наступил момент, когда французский читатель должен познакомиться с крупными произведениями романиста: «Идиотом», «Бесами» и, в особенности, с «Братьями Карамазовыми» [Gide, 1911, p. 48].

На особое отношение Жида к роману «Бесы» указывает то, что он неоднократно перечитывал его, обращая пристальное внимание на поэтику произведения, о чём свидетельствует запись в дневнике от 30 января 1912 г.:

¹ «Письма к Анжеле» – критические очерки А. Жида, которые печатались в журнале «Ermitage» с 1898 по 1900 гг.

«Этим вечером я заканчиваю перечитывать “Бесов” (“Les Possédés”). Тягостное восхищение. В этот раз я глубже погружаюсь в скрытый смысл этого произведения <...>, но остаюсь в замешательстве от манеры, в которой диалог и рассказ встречаются с идеей...» [Décaudin, 1980, p. 80].

Глубокие раздумья над страницами романа «Бесы» оставили след и в творчестве А. Жида. В 1914 г. он опубликовал роман «Подземелья Ватикана» – произведение, которое напоминает сочинение Достоевского в сюжетном плане: главными героями становится группа людей, устраивающих заговор. Другой книгой писателя, в которой он переосмысляет проблематику «Бесов», стал роман «Фальшивомонетчики» (1925). Кроме того, Жид впервые создаёт роман с большим количеством героев, что является отличительной чертой романа «Бесы» [Moutote, 1980, p. 80].

Таким образом, в начале XX в. Жид пробудил интерес французских читателей к роману «Бесы», который до этого времени воспринимался лишь как политический памфлет. Он не только обозначил новый философский аспект – идею о сверхчеловеке в осмыслении этого произведения, но и отметил его художественное своеобразие. Жид первым из французских писателей переосмыслил сюжет и элементы поэтической структуры романа в собственном творчестве. Вслед за А. Жидом, для собственных произведений их заимствовали П. Низан («Заговор», 1938 г.) и П. Дриё Ла Рошель («Жиль», 1939).

Важным событием в истории осмысления романа «Бесы» во французской культуре стала русская революция 1917 г., которая показала, что проблемы, описанные в книге, оказались предзнаменованием грядущей трагедии. В это время французы, стремившиеся понять причины потрясшего мир события, начали обращаться к этому произведению, чтобы найти в нём ответы на вопросы о причинах, которые привели к этой трагедии. Следствием этого стало появление ряда работ о пророческом характере романа, в котором Достоевский смог предсказать трагедию русской революции [Kessel, 1919; Bienstock, 1921; Arland, 1924]. Кроме того, интересу французов к Достоевскому способствовал и активный процесс публикации ранее не известных материалов о писателе и его дневников, участие в котором принимали, по большей части, русские писатели и мыслители, иммигрировавшие во Францию после революции, а также появление новых работ русских авторов.

В 1918 г. во Франции вышла книга русско-французского переводчика и литературного критика С.М. Перского (1870-1938 гг.)

«La Vie et l'Œuvre de Dostoievski» («Жизнь и творчество Достоевского») [Persky, 1918], которая стала второй по значимости после «Русского романа» Вогюэ работой, посвящённой писателю, получившей живой отклик у французов [Bacqué, 1972, p. 437]. Обращаясь к разбору романа «Бесы», Перский подчёркивал недостатки его композиции: многочисленность и спутанность фрагментов, которая препятствовала восприятию основной интриги. Тем не менее он признавал его одним из главных произведений Достоевского наряду с «Преступлением и наказанием» и «Братьями Карамазовыми» [там же, p. 341]. Анализируя персонажей романа, автор указывал на чрезмерную загадочность Ставрогина и невозможность понять его сущность. Он отмечал, что при чтении романа складывалось впечатление, будто бы Достоевский опустил фрагменты, в которых объяснялась природа главного героя [там же, p. 341-342]. Однако Перский знал о существовании неизвестной на тот момент во Франции главы «У Тихона», поэтому причины этого высказывания не совсем ясны [там же, p. 439].

Творчество русского писателя и роман «Бесы» также были переосмыслены французским эссеистом А. Сюаресом (André Suarès, 1868-1948 гг.). В сентябре 1888 г. он прочитал романы «Преступление и наказание», «Бесы» и «Братья Карамазовы», которые вызвали у него восхищение, о чём Сюарес написал в письме к Р. Роллану [Suarès, 1954]. В 1913 г. он опубликовал книгу «Три человека: Паскаль, Ибсен, Достоевский», в которой посвятил раздел описанию судьбы и творчества писателя. В 1921 г. Сюарес написал большой очерк «Столетие Достоевского», где обозначил связь философии романиста с революционными событиями в России. В этой работе он представил понятие «органической книги», «органического произведения искусства», сравнив поэтику Достоевского с музыкой Вагнера: по его мнению, в романах классика все элементы являются необходимыми и органичными, а «беспорядочность Достоевского есть не что иное, как порядок симфонии» [Фокин, 2013, с. 93].

Одним из первых Сюарес дал высокую оценку и роману «Бесы»:

«В “Бесах” – ужасном произведении, которому мы могли бы безнадежно верить: в несравнимом шедевре описана последняя революция, с точностью изображён Ленин, предвосхищён даже Совет <...> никогда ещё не было книги более глубокой и более пророческой» [Suarès, 2002, p. 851].

Впечатление автора обусловлено особенностями произведения, в котором страшные события воспроизведены в совершенной художественной форме, а также пророческим характером романа. Примечательно, что, по мнению Сюареса, образом, который стал своеобразным прототипом Ленина, был не Пётр Верховенский, как можно было бы предположить, а Ставрогин: *«отрицающий Бога, одержимый своим бесом <...> Он становится апостолом атеистического социализма...»* [там же].

Таким образом, Сюарес не только указал на связь изображённых в романе событий и русской революции, но и одним из первых французов предложил новую трактовку особенностей поэтики писателя, увидев у Достоевского не отсутствие стиля, как его предшественники, а, напротив, его сложную, глубоко своеобразную природу повествования, превосходящую открытия модернизма.

Высоко оценивал психологизм героев Достоевского Р. Роллан, вероятно, не раз обсуждавший творчество писателя с Сюаресом. В романе «Бесы» его в большей степени интересовал сложный для понимания тип непредсказуемых героев: *«Они все безумны в большей или меньшей степени. Не знаешь, куда идёшь...»* [цит. по: Владимирова, 1978, с. 45].

Французский писатель и литературный критик М. Арлан (Marcel Arland, 1899-1986 гг.) также признавал актуальность романа «Бесы», отмечая, что французы как никогда раньше ощущали близость к героям этой книги, а также к персонажам романа «Братья Карамазовы» [Arland, 1924].

Помимо событий русской революции и активизации деятельности русских литераторов-иммигрантов, важную роль в процессе осмысления французами романа «Бесы» в этот период сыграл первый перевод главы «У Тихона», выполненный Б. Шлёцером, и опубликованный в 1922 г. на страницах журнала «Nouvelle Revue Française». Это событие способствовало переосмыслению образа главного героя романа Николая Ставрогина, представлявшегося ранее неясным и незавершённым. В этом же году французскую версию главы опубликовал И. Гальперин-Каминский (1858-1936 гг.), а в 1923 г. – Л. Биншток (1868-1933 гг.). В 1932 г. был создан второй перевод романа «Бесы» на французский язык, выполненный Б. Шлёцером. Именно он вошёл в первое полное собрание сочинений Достоевского на французском языке, которое было опубликовано в период с 1931 по 1934 гг. в наиболее престижной французской книжной серии «Библиотека Пляеды» издательства «Gallimard». Помимо Шлёцера участие в работе над его созданием

приняли такие переводчики, как Д. Эрга (D. Ergaz), В. Познер (V. Pozner), А. Монго (H. Mongault), А. Муссе (A. Mousset), Л. Дезормон (L. Desormonts), П. Паскаль (P. Pascal).

Необходимо отметить развитие религиозного аспекта в процессе интерпретации творчества Достоевского во Франции в первой половине XX в., которое обусловлено, в первую очередь, распространением переводов трудов русских религиозных философов Л. Шестова, Н. Бердяева, Л.А. Зандера.

Так, мысль Н. Бердяева о том, что путь к свободе в романах Достоевского лежит через любовь к Христу и осознание идеи жертвенности, нашла отражение в развитии концепций французских мыслителей [Eltchaninoff, 2013, p 45-46.]. Католический богослов А. де Любак (Henri de Lubac, 1896-1991 гг.) и французский славист П. Паскаль (Pierre Pascal, 1890-1983 гг.), утверждавший, что в романах писателя представлена исключительно христианская мысль, приняли и развили интерпретацию диалектики скрытой свободы в творчестве Достоевского, представленную русским философом [там же, p. 46]. В 1932 г. вышла ещё одна книга, посвящённая осмыслению религии в творчестве Достоевского, написанная французским писателем и политиком Ж. Мадолем (Jacques Madaule, 1989-1993 гг.), «Le Christianisme de Dostoïevski» («Христианство Достоевского»).

В 1930-1950 гг. значительный вклад в осмысление творчеств Достоевского и романа «Бесы» внесли представители экзистенциализма Ж.-П. Сартр и А. Камю.

Влияние Достоевского на философию Ж.-П. Сартра освещено в работах С.Л. Фокина [Фокин, 2013, с 235-248.], А. Маккейба [McCabe, 2013], В.В. Ерофеева [Ерофеева, 1975] и др., которые сошлись во мнении, что, несмотря на то, что русский романист не входил в число почитаемых французским экзистенциалистом писателей, он открывал для себя его творчество в процессе размышления о создании собственных философских концепций [Фокин, 2013, с. 235].

Знакомясь с романами Достоевского, Сартр читает и роман «Бесы». В статье «Франсуа Мориак и свобода» (1938 г.) он обращается к этой книге, размышляя о поэтике художественного произведения:

«Роман даёт не вещи, а их знаки. Каким образом с одними этими знаками, словами, что указывают в пустоте, создать самостоятельный мир? В силу чего Ставрогин живёт? Неверно думать, что он обязан своей жизнью моему воображению: слова рождают образы, когда мы грезим над ними, но, когда я читаю, я не грежу, я расшифровываю. Нет, я не воображаю Ставрогина, я его ожидаю, ожидаю его поступков,

конца его приключения. Эта густая материя, которой я ворочаю, когда читаю «Бесов», есть не что иное, как моё собственное ожидание, это моё время» [цит. по: Фокин, 2013, с. 239].

Сартр не обращается к анализу проблематики или философии упоминаемого им романа, но положительно оценивает внутреннюю организацию произведения, способ представления главного героя автором и тесную взаимосвязь персонажа с сознанием читателя.

Неоценимый вклад в развитие интерпретации романов Достоевского в экзистенциальном ключе внёс А. Камю. Об особенностях восприятия французским писателем творчества русского романиста писали как отечественные [Фокин, 2013; Кушкин, 1978; Кушкин, 2013], так и зарубежные исследователи [Magnan, 1981; Forest, 2010; McCabe, 2013; Yelengeyeva, 2014].

Роман «Бесы» занимал важное место в философии А. Камю, который относил его к лучшим памятникам мировой литературы наряду с произведениями Гомера, Шекспира, Сервантеса, Л.Н. Толстого [Camus, 1962, p. 1888]. Он отмечал не только особое положение романа «Бесы» в мировой литературе, но и значимую роль, которую книга сыграла в становлении его собственной философии:

«"Бесы" – одно из четырёх или пяти произведений, которые я ставлю выше всех остальных. По многим причинам я могу сказать, что я им питался, и что из него я сформировался. <...> Я встретил это произведение в 20 лет, и потрясение, которое я получил, длится до сих пор, спустя двадцать других лет» [ibid, p. 1886-1888].

Объясняя причины столь высокой оценки романа, писатель выделял не только его пророческий характер, но и философский аспект произведения: яркое изображение Достоевским проблемы современного человека, потерявшего способность верить и любить:

«И если роман "Бесы" является пророческой книгой, то не только потому, что он возвещает наш нигилизм, но и потому, что в нем представлены разорванные или мертвые души, не умеющие любить и страдающие от этого, жаждущие веры и не способные на нее, – как раз те, что и населяют сегодня наше общество и наш духовный мир» [цит. по: Фокин, 2013, с. 254].

Роман «Бесы» оказал значительное влияние на творчество французского писателя. Камю обращается к роману «Бесы» в своём философском эссе «Миф о Сизифе» (1942 г.). Эпиграфом к главе «Человек абсурда» служит фраза Шатова о главном герое этой книги:

«Ставрогин если верует, то не верует, что он не верует», – которая отражает мысль французского писателя об этом персонаже как о воплощении абсурда [Кушкин, 1978, с. 89].

В 1956 г. была опубликована повесть-исповедь А. Камю «Падение» о разоблачении левой интеллигенции Парижа [Фокин, 2013, с. 253-254]. В этот период писатель работал над сценической постановкой романа «Бесы». По мнению М.М. Петросян, поэтому именно исповедь Ставрогина во многом определила особенности проблематики и поэтики этой повести, характерную для героя Достоевского [Петросян, 2014]. Е.П. Кушкин отмечает, что исповедь Ставрогина оказала влияние и на покаяние Темпла Дрейка в театральной переделке Камю «Реквиема по монахине» У. Фолкнера, работа над которой также шла параллельно с подготовкой инсценировки «Бесов» [Кушкин, 1978, с. 109].

Таким образом, художественная форма романа Достоевского и его философское содержание были переосмыслены Камю в процессе размышлений писателя о проблемах современной ему действительности.

Важной вехой в процессе восприятия романа «Бесы» во французской культуре стала театральная постановка пьесы Камю по этому произведению, премьера которой состоялась в 1959 г. в театре «Антуан» в Париже. В пьесе французский писатель выдвинул на первый план проблему «убийства, логического самоубийства, справедливости и наказания, свободы и тоталитаризма, страдания, в особенности, детей, а также одиночества» [Magnan, 1981, p. 118]. Камю стремился осветить проблему зла и свободы в контексте революционных идей, нигилизма, абсурда и бунта.

Примечательно, что в постановке Камю уделит особое внимание образу Ставрогина, подчеркнув его главную проблему – моральное и духовное расщепление, ставшее результатом утраты нравственных ценностей с одной стороны, и политического убийства, с другой. Как отмечает Н. Натова, «именно история Ставрогина, которого Камю представляет главным носителем онтологического зла, становится центральной в пьесе» [Natov, 1983, p. 67]. По замечанию Е.П. Кушкина, автор постановки приписывает герою слова Верховенского о «праве на бесчестье» и «необыкновенную способность на преступление», а также раскрывает причину безнравственности героя словами Шатова, заявляющего, что человек без почвы, корней и веры не может любить и строить, а способен лишь разрушать [Кушкин, 2013, с. 108].

Для Камю в отличие от многих его предшественников главным становится осмысление не политического аспекта, связанного с героем, а его нравственной трагедии.

Постановка Камю имела большой успех у зрителей, а её просмотр побудил многих читателей вновь обратиться к тексту произведения. Так, французский писатель переосмыслил философскую проблематику романа «Бесы», одним из первых восприняв причины трагедий, разворачивающихся в современном обществе и изображённых Достоевским. Он способствовал новому всплеску интереса у своих соотечественников к этой книге, переведя роман на язык театра. Однако, несмотря на очевидную попытку Камю более глубокого анализа образа Ставрогина, однозначная трактовка героя как основного источника зла в романе не отличалась от позиции его предшественников.

Таким образом, во Франции в 1900-1960-е гг. наблюдается возникновение новых аспектов в восприятии творчества Достоевского, отсутствовавших в XIX в., зарождается интерес к особенностям поэтики романиста, ранее интерпретированных как недостатки его художественной манеры. Благодаря крупнейшим французским мыслителям происходит интерпретация философского содержания романа, к середине XX в. развивается понимание книги сквозь призму экзистенциальной философии.

Эти тенденции продолжили развиваться во второй половине века. Становление важных аспектов философской и эстетической мысли постмодернизма, раскрывшихся в этот период, определили такие проблемы, как холодная война, угроза ядерного оружия, экологические изменения, растущие цивилизации, угроза терроризма и информационные войны [Седельникова, 2010, с. 12], отразившиеся во французской культуре. Эти аспекты были осмыслены такими французскими философами, как Ж. Деррида, и М. Фуко, которые, поднимая проблемы власти и современной им политической ситуации, обращались к творчеству Достоевского [Pelikan, 2002].

В этот период происходит укоренение подхода к анализу религиозно-философского содержания романов Достоевского во Франции, зародившегося в начале XX в., которое внесло коррективы в особенности интерпретации романа «Бесы» в 1950-1960-е гг. Французы начали уделять внимание осмыслению религиозных мотивов произведения. Так, переводчик, поэт, писатель и философ П. Бутанг (Pierre Boutang, 1916-1998 гг.), ставший автором предисловия к переизданию романа «Бесы» в переводе Б. Шлёцера

1961 г., отмечал, что основная идея книги – спасение через Христа [Boutang, 1961, p. 2].

Интересной представляется предложенная Бутаном интерпретация образа Ставрогина. Он представил однозначно негативную оценку сущности героя, назвав его чёрным всадником, революционером подобным тем, что наводнили Россию и Европу. По мнению философа, принадлежность Ставрогина к числу главных бесов наиболее ярко проявляется в его лживой исповеди-провокации:

«Исповедь у Тихона, которая, вопреки нашей привычке находится на своем месте между восьмой и девятой главами второй части, позволяет оцутить, как действуют бесы и выделить категорию демонического <...> исповедь является лживой частью, которая принадлежит к числу провокаций, через которые, не веря в Крест, Ставрогин ищет свой крест» [Boutang, 1961, p. 7].

Примечательно и то, что Бутан выражал непонимание значения самоубийства Ставрогина:

«В наше время такой финал непонятен. Мы бы скорее увидели Ставрогина в Швейцарии, как и было запланировано, но приехавшего для психологического лечения. Лечение было бы получено или употреблено с публикацией книги под заголовком “Матрёша”, без ссылок ни на святого Луку, ни на бесов, ни на свиней. Но Ставрогин был бы, безусловно, американцем и преподавателем в университете» [Boutang, 1961, p. 9].

Бутан указывает на непонятный для его времени финал книг и на большее соответствие современности кульминации из романа В. Набокова «Лолита». Такая трактовка поступка главного героя, а также предшествовавшей ему исповеди свидетельствует о том, что многие ценностные аспекты «Бесов» оставались недоступными для французов, а личность и трагедия Ставрогина – нераскрытыми.

В 1970-е гг. во Франции получил развитие новый подход к изучению творчества Достоевского, сопряжённый с интересом французов к изучению поэтики и стиля писателя. Вероятно, в наибольшей степени этому поспособствовала публикация первого французского перевода работы М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» в 1870 г., выполненного И. Колычёв (Isabelle Kolitcheff).

Значимым событием для французской достоевистики стала защита в 1972 г. диссертации Ж.-Л. Бакеса «Dostoievski en France» («Достоевский во Франции») [Bacès, 1972], в которой изучены общие

закономерности истории и особенностей рецепции произведений Достоевского и, в частности, романа «Бесы», во Франции. Работа положила начало новым исследованиям о восприятии творчества русского романиста французскими писателями и мыслителями: Прустом [Pejovic, 1987; Boyer, 1988; Haddad-Wotling, 1990], Бернаносом [Bellat, 2000], Камю [Dunwoodie, 1996], опубликованными в конце XX в.

Таким образом, период с 1900 по 1970-е гг. во Франции был временем пристального внимания критиков, философов и писателей этой страны к творчеству Ф.М. Достоевского и роману «Бесы», в частности. Французы неоднократно предпринимали попытку проанализировать философские аспекты данного произведения. В результате этого некоторые идеи романа, в частности, о сверхчеловеке, были переосмыслены французами. Трагические события русской революции способствовали признанию французскими критиками пророческого характера романа «Бесы», его сюжет и элементы поэтики были заимствованы писателями для создания собственных произведений. Внимание представителей французского модернизма и экзистенциализма к творчеству русского романиста способствовало переоценке элементов поэтической структуры романа «Бесы», которые раньше было принято считать свидетельством отсутствия у Достоевского стиля. Указанный период стал наиболее продуктивным для переводческой рецепции романа: четыре из шести переводов появились в период 1925 по 1960-е гг. Важным событием явилась и сценическая интерпретация романа «Бесы» А. Камю, а также возникновение фундамента для последующего изучения вопросов идиостиля писателя. Тем не менее и в эти годы не были исчерпаны трудности в понимании ключевых аспектов произведения, связанных, в первую очередь, с восприятием сущности его главного героя. Это свидетельствует о существовании препятствий для постижения всей полноты содержания романа во Франции, связанных как с различием в ряде аспектов национального сознания двух народов, так и с качеством его французских переводов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Владимирова, А. И. Достоевский во французской литературе XX века / А.И. Владимирова // Достоевский в зарубежных литературах: [Сб. статей] / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом.) – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – С. 37-60.

Глюксман, А. Достоевский на Манхэттене / А. Глюксман. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 223 с.

Дудкин, В. В. «Roman Dostoevskien» как новаторская форма жанра и термин (Достоевский во Франции в первой трети XX в.) / В.В. Дудкин // Достоевский: материалы и исследования. – Санкт-Петербург: Институт русской литературы РАН. – Т. 20, 2013. – С. 390-404.

Ерофеев, В. В. Достоевский и французский экзистенциализм: дис. ... канд. филол. Наук / В.В. Ерофеев. – Москва, 1975. – 201 с.

Кушкин, Е. П. «Бесы» на французской сцене: (Театральная деятельность Альбера Камю) / Е.П. Кушкин // Звезда. – 2013. – №11. – С. 126-138.

Кушкин, Е. П. Достоевский и Камю / Е.П. Кушкин // Достоевский в зарубежных литературах. – Ленинград: Наука, 1978. – С. 81-117.

Маркович, А. Заметки французского переводчика Достоевского / А. Маркович // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 12. – Санкт-Петербург: Д. Буланин, 1996. – С. 254-260.

Петросян, М. М. Проблема двойственности главного героя повести А. Камю «Падение» / М.М. Петросян // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2014 г.). – Москва: Буки-Веди, 2014. – С. 32-34.

Седельникова, О. В. История мировой литературы и искусства. Часть 2: учебное пособие / О.В. Седельникова. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2010. – 175 с.

Фокин, С. Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века / С.Л. Фокин. – Санкт-Петербург: РХГА, 2013. – 396 с.

Arland, M. Sur un nouveau mal du siècle / M. Arland // la Nouvelle Revue française. Tome 22, 1924. – P. 149-158.

Backès, J.-L. Dostoïevski en France (1884-1930). Thèse de doctorat d'Etat. Dactylographiée / J.-L. Backès. – Paris: Paris-Sorbonne, 1972. – 712 p.

Bellat, S. Dostoïevski et Bernanos. Etude d'une vision commune de l'homme entre le mal et la grace: Thèse / S. Bellat. – Toulouse, 2000. – 469 p.

Bienstock, J. W. Le centenaire de Dostoïevski / J.W. Bienstock // Mercure de France, 15 octobre 1921;

Blot, I. Le terrorisme islamiste, une menace révolutionnaire / I. Blot // Polémia – URL: <https://www.polemia.com/le-terrorisme-islamiste-une-menace-revolutionnaire/> (02.09.2017).

Boutang, P. Préface // Dostoïevsky F. Les possédés / Dostoïevski; Trad. de B. de Schloezer / P. Boutang. – Paris: Librairie Genereale Francaise, 1961. – P. 1-9.

Boyer, F. Comprendre et compatir : l'exégèse biblique du récit au secours d'une herméneutique littéraire: Pascal, Dostoïevski, Proust: Thèse / F. Boyer. – Paris: 1988.

Camus, A. Les possédés. Prière d'insérer (avril 1959) / A. Camus // Camus A. Théâtre, récits, nouvelles. Préface par Jean Grenier; Textes établis et annotés par Roger Quilliot. – Paris : Gallimard, 1962. – P. 1886-1887.

Chestov, L. Les Révélations de la mort. Dostoïevsky – Tolstoï. Traduit du russe par Boris de Schloezer / L. Chestov. – Paris: Plon, 1923. – 230 p.

Courrière, C. Histoire de la littérature contemporaine en Russie / C. Courrière. – Paris: Charpentier, 1875. – 442 p.

Décaudin, M. La première rencontre de Dostoïevski avec la France, 1880-1890 / M. Décaudin // Dostoïevski et les lettres françaises. Actes du colloque de Nice réunis par Jean Onimus. – Nice: Centre du XXe siècle, 1980. – P. 43-52.

Dunwoodie, P. Une histoire ambivalente: le dialogue Camus-Dostoïevski / P. Dunwoodie. – Paris: Nizet, 1996. – 240 p.

Eltchaninoff, M. Dostoïevski. Le roman du corps / M. Eltchaninoff. – Grenoble: Jerome Millon, 2013. – 355 p.

Faure, E. Les constructeurs: Lamarck. Michelet. Dostoïevsky. Nietzsche. Césanne / Elie Faure / E. Faure. – Paris: Crès, 1921. – 267 p.

Fleury, J. Deux romanciers russes contemporains. Dostoïevskii et Pissemskii // La Revue politique et littéraire, 26 fév. 1881. – P. 278-281.

Forest, P. Le roman infanticide: Dostoïevski, Faulkner, Camus: essais sur la littérature et le deuil / P. Forest. – Nantes: C. Defaut, 2010. – 131 p.

Gide, A. Journal. Avec un index des noms et des œuvres cités: 1889-1939 / A. Gide. – Paris: N.R.F., 1948. – 1373 p.

Gide, A. Les Frères Karamazov / A. Gide // Figaro – № 94, 1911. – P. 1.

Gide, A. Lettre à Angèle / A. Gide // L'Ermitage, revue mensuelle de littérature, Janvier 1899. – P. 55-66.

Gide, A. Dostoïevsky / A. Gide. – P. Plon, 1923. – 311 p.

Guéry, F. Archéologie du nihilisme: de Dostoïevski aux djihadistes, Grasset, 2015; Hintermeyer P. Terrorisme, sacrifice et volonté de puissance / F. Guéry // Études sur la mort 2006/2 (n° 130). L'Esprit du temps. – P. 29-38.

Haddad-Wotling, K. Proust et Dostoïevski: Une esthétique du mouvement: Thèse / K. Haddad-Wotling. – Paris, 1990.

Haddad-Wotling, K. L'illusion qui nous frappe : Proust et Dostoïevski, une esthétique romanesque comparée / K. Haddad-Wotling. – Paris: H. Champion, 1995. – 581 p.

Hassine, J. Proust à la recherche de Dostoïevski / J. Hassine. – Saint-Genouph: Nizet, 2000. – 172 p.

Howlett, S. Dostoïevski, démon de Malraux / S. Howlett. – Paris: Classiques Garnier, 2015. – 419 p.

Kessel, J.P. Le bolchévisme à travers Dostoïevski / J.P. Kessel // Mercure de France, 1er déc. – 1919. T. 6.

Magnan, M. L'influence du style de la technique narrative de Dostoïevski sur « la chute » de Camus / M. Magnan // Actes du colloque de Nice réunis et présentés. – Nice: Centre du XXe siècle, 1981. – P. 117-127.

McCabe, A. Dostoevsky's French reception: from Vogüé, Gide, Shestov and Berdyaev to Marcel, Camus and Sartre (1880-1959). PhD thesis / A. McCabe. – Glasgow: University of Glasgow, 2013. – 255 p.

Messaoudi, A. La transversalité du thème religieux dans «Les démons» (ou «Les possédés») de Dostoïevski / A. Messaoudi. – Paris: Éd. Éditeur indépendant, 2006. – 356 p.

Moutote, D. Dostoïevski et Gide / D. Moutote // Dostoïevski et les Lettres françaises. Actes du colloque de Nice réunis par Jean Onimus. – Nice: Centre du XXe siècle, 1980.

Natov, N. L'Interprétation scénique des Possédés in Les Cahiers de la nuit surveillée, n° 2, Dostoïevski, Éditions Verdier. – 1983. – Pp. 63-64.

Nivat, G. Vivre en russe / G. Nivat. – Lausanne: L'âge d'homme, 2008. – 480 p.

Pejovic, M. Proust et Dostoïevski: étude d'une thématique commune / M. Pejovic. – Paris: Nizet, 1987. – 419 p.

Pelikan, N. Dostoevsky's Derrida / N. Pelikan // Common Knowledge Fall. – 2002. – 8(3). – P. 555-567.

Persky, S. La vie et l'oeuvre de Dostoïevsky / S. Persky. – Paris: Payot, 1918. – 480 p.

Poulin, I. Écritures de la douleur: Dostoïevski, Sarraute, Nabokov: essai sur l'usage de la fiction / I. Poulin. – Paris: Éd. le Manuscrit, 2006. – 353 p.

Suarès, A. Idées et visions et autres écrits polémiques, philosophiques et critiques, 1897-1923 / A. Suarès. – Paris: Robert Parienté, 2002. – P. 851.

Suarès, A. Lettre à Roland, 7 septembre 1888 / A. Suarès // Cette âme ardente – Paris : Albin Michel, 1954. – P. 122-123.

Vogüé, E.-M. de. Le roman Russe / E.-M. de Vogüé. – Paris: Plon-Nourrit, 1886. – 351 p.

Yelengeyeva, I. L'adaptation théâtrale de l'oeuvre de Dostoïevski: (Jacques Copeau, Carles Dullin, Albert Camus, Dominique Arban, Marcel Bluwal). Thèse / I. Yelengeyeva. – Limoges, 2014 – 361 p.

REFERENCES:

Dudkin, V. V. «Roman Dostoevskien» kak novatorskaja forma zhanra i termin (Dostoevskij vo Francii v pervoj treti HH v.) / V.V. Dudkin // Dostoevskij: materialy i issledovanija. – Spb: Institut russkoj literatury RAN. – T. 20. – 2013. – S. 390-404.

Erofeev, V. V. Dostoevskij i francuzskij jekzistencializm: dis. ... kand. filol. Nauk / V.V. Erofeev. – Moskva, 1975. – 201 s.

Fokin, S. L. Figury Dostoevskogo vo francuzskoj literature XX veka. – Saint-Petersburg: RHGA, 2013. – 396 s.

Gljuksman, A. Dostoevskij na Manhjettene / A. Gljuksman. – Ekaterinburg: U-Faktorija, 2006. – 223 s.

Kushkin, E. P. «Besy» na francuzskoj scene: (Teatral'naja dejatel'nost' Al'bera Kamju) / E.P. Kushkin // Zvezda. – 2013. – №11. – S. 126-138.

Kushkin, E. P. Dostoevskij i Kamju / E.P. Kushkin // Dostoevskij v zarubezhnyh literaturah. – Leningrad: Nauka, 1978. – S. 81-117.

Markovich, A. Zametki francuzskogo perevodchika Dostoevskogo / A. Markovich // Dostoevskij. Materialy i issledovanija. T. 12. – Saint-Petersburg: D. Bulanin, 1996. – S. 254-260.

Petrosjan, M. M. Problema dvojstvennosti glavnogo geroja povesti A. Kamju «Padenie» / M.M. Petrosjan // Filologija i lingvistika v sovremennom obshhestve: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, nojabr' 2014 g.). – Moskva: Buki-Vedi, 2014. – S. 32-34.

Sedel'nikova, O. V. Istorija mirovoj literatury i iskusstva. Chast' 2: uchebnoe posobie / O.V. Sedel'nikova. – Tomsk: Izd-vo Tomskogo politehnicheskogo universiteta, 2010. – 175 s.

Arland, M. Sur un nouveau mal du siècle / M. Arland // la Nouvelle Revue française. Tome 22, 1924. – P. 149-158.

Backès, J.-L. Dostoïevski en France (1884-1930). Thèse de doctorat d'Etat. Dactylographiée / J.-L. Backès. – Paris: Paris-Sorbonne, 1972. – 712 p.

Bellat, S. Dostoïevski et Bernanos. Etude d'une vision commune de l'homme entre le mal et la grace: Thèse / S. Bellat. – Toulouse, 2000. – 469 p.

Bienstock, J. W. Le centenaire de Dostoïevski / J.W. Bienstock // Mercure de France/ 15 octobre 1921.

Blot, I. Le terrorisme islamiste, une menace révolutionnaire / I. Blot // Polémia – URL: <https://www.polemia.com/le-terrorisme-islamiste-une-menace-revolutionnaire/> (02.09.2017).

Boutang, P. Préface / P. Boutang // Dostoïevsky F. Les possédés / Dostoïevski; Trad. de B. de Schloezer. – Paris: Librairie Genereale Francaise, 1961. – P. 1-9.

Boyer, F. Comprendre et compatir: l'exégèse biblique du récit au secours d'une herméneutique littéraire: Pascal, Dostoïevski, Proust: Thèse / F. Boyer. – Paris: 1988.

Camus, A. Les possédés. Prière d'insérer (avril 1959) / A. Camus // Camus A. Théâtre, récits, nouvelles. Préface par Jean Grenier; Textes établis et annotés par Roger Quilliot. – Paris : Gallimard, 1962. – P. 1886-1887.

Chestov, L. Les Révélation de la mort. Dostoïevsky – Tolstoï. Traduit du russe par Boris de Schloezer / L. Chestov. – Paris: Plon, 1923. – 230 p.

Courrière, C. Histoire de la littérature contemporaine en Russie / C. Courrière. – Paris: Charpentier, 1875. – 442 p.

Décaudin, M. La première rencontre de Dostoïevski avec la France, 1880-1890 / M. Décaudin // Dostoïevski et les lettres françaises. Actes du colloque de Nice réunis par Jean Onimus. – Nice: Centre du XXe siècle, 1980. – P. 43-52.

Dunwoodie, P. Une histoire ambivalente: le dialogue Camus-Dostoïevski / P. Dunwoodie. – Paris: Nizet, 1996. – 240 p.

Eltchaninoff, M. Dostoïevski. Le roman du corps / M. Eltchaninoff. – Grenoble: Jerome Millon, 2013. – 355 p.

Faure, E. Les constructeurs: Lamarck. Michelet. Dostoïevsky. Nietzsche. Césanne / Elie Faure / E. Faure. – Paris: Crès, 1921. – 267 p.

Fleury, J. Deux romanciers russes contemporains. Dostoïevskii et Pissemskii // La Revue politique et littéraire, 26 fév. 1881. – P. 278-281.

Forest, P. Le roman infanticide: Dostoïevski, Faulkner, Camus: essais sur la littérature et le deuil / P. Forest. – Nantes: C. Defaut, 2010. – 131 p.

Gide, A. Journal. Avec un index des noms et des œuvres cités: 1889-1939 / A. Gide. – Paris: N.R.F., 1948. – 1373 p.

Gide, A. Les Frères Karamazov / A. Gide // Figaro – № 94, 1911. – P. 1.

Gide, A. Lettre à Angèle / A. Gide // L'Ermitage, revue mensuelle de littérature, Janvier 1899. – P. 55-66.

Gide, A. Dostoïevsky / A. Gide. – P. Plon, 1923. – 311 p.

Guéry, F. Archéologie du nihilisme: de Dostoïevski aux djihadistes, Grasset, 2015; Hintermeyer P. Terrorisme, sacrifice et volonté de puissance / F. Guéry // Études sur la mort 2006/2 (n° 130). L'Esprit du temps. – P. 29-38.

Haddad-Wotling, K. Proust et Dostoïevski: Une esthétique du mouvement: Thèse / K. Haddad-Wotling. – Paris, 1990.

Haddad-Wotling, K. L'illusion qui nous frappe: Proust et Dostoïevski, une esthétique romanesque comparée / K. Haddad-Wotling. – Paris: H. Champion, 1995. – 581 p.

Hassine, J. Proust à la recherche de Dostoïevski / J. Hassine. – Saint-Genouph: Nizet, 2000. – 172 p.

Howlett, S. Dostoïevski, démon de Malraux / S. Howlett. – Paris: Classiques Garnier, 2015. – 419 p.

Kessel, J. P. Le bolchévisme à travers Dostoïevski / J.P. Kessel // Mercure de France, 1er déc. – 1919. T. 6.

Magnan, M. L'influence du style de la technique narrative de Dostoïevski sur « la chute » de Camus / M. Magnan // Actes du colloque de Nice réunis et présentés. – Nice: Centre du XXe siècle, 1981. – P. 117-127.

McCabe, A. Dostoevsky's French reception: from Vogüé, Gide, Shestov and Berdyaev to Marcel, Camus and Sartre (1880-1959). PhD thesis / A. McCabe. – Glasgow: University of Glasgow, 2013. – 255 p.

Messaoudi, A. La transversalité du thème religieux dans «Les démons» (ou «Les possédés») de Dostoïevski / A. Messaoudi. – Paris: Éd. Éditeur indépendant, 2006. – 356 p.

Moutote, D. Dostoïevski et Gide / D. Moutote // Dostoïevski et les Lettres françaises. Actes du colloque de Nice réunis par Jean Onimus. – Nice: Centre du XXe siècle, 1980.

Natov, N. L'Interprétation scénique des Possédés in Les Cahiers de la nuit surveillée, n° 2, Dostoïevski, Éditions Verdier / N. Natov. – 1983. – Pp. 63-64.

Nivat, G. Vivre en russe / G. Nivat. – Lausanne: L'âge d'homme, 2008. – 480 p.

Pejovic, M. Proust et Dostoïevski: étude d'une thématique commune / M. Pejovic. – Paris: Nizet, 1987. – 419 p.

Pelikan, N. Dostoevsky's Derrida / N. Pelikan // Common Knowledge Fall. – 2002. – 8(3). – P. 555-567.

Persky, S. La vie et l'oeuvre de Dostoïevsky / S. Persky. – Paris: Payot, 1918. – 480 p.

Poulin, I. Écritures de la douleur: Dostoïevski, Sarraute, Nabokov: essai sur l'usage de la fiction / I. Poulin. – Paris: Éd. le Manuscrit, 2006. – 353 p.

Suarès, A. Idées et visions et autres écrits polémiques, philosophiques et critiques, 1897-1923 / A. Suarès. – Paris: Robert Parienté, 2002. – P. 851.

Suarès, A. Lettre à Roland, 7 septembre 1888 / A. Suarès // Cette âme ardente – Paris: Albin Michel, 1954. – P. 122-123.

Vogüé, E.-M. de. Le roman Russe / E.-M. de Vogüé. – Paris: Plon-Nourrit, 1886. – 351 p.

Yelengeyeva, I. L'adaptation théâtrale de l'oeuvre de Dostoïevski: (Jacques Copeau, Carles Dullin, Albert Camus, Dominique Arban, Marcel Bluwal). Thèse / I. Yelengeyeva. – Limoges, 2014 – 361 p.